

ПУТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

«Русская мысль»

Рождествено. Фотография 1967 года.

Письмо
из Рождествено

ся после немцев: река, маленькие сельские домики, церквушка. А внизу — стихи на немецком, и в них — печаль и тоска по далекой родной земле, по дому. (Как писал Владимир Набоков: «Но у каждого в сердце, где клад заковала кочевая стальная тоска, отзывается внятно, что

вызвали пожарных. Она помчалась к усадьбе. На пути стояла машина — военные-связисты. Они подвезли ее и бросились в горящий дом спасать экзонаматы. Вскоре к месту пожара бежалось почти все село.

Сначала выносили самое ценное: альбом Рукавишников с фотографиями Набокова и его родителей, научную библиотеку, архивы, материалы, связанные с Шишкиным, Краемским, с историей села. Потом — ящики, витрины, даже мебель. Помогали все: и стар, и млад. За полчаса вынесли практически всё: он один экспонат не процадил!

Минут через двадцать появились

ты, и всю электропроводку обесточили. На бельведере проводки и вовсе никогда не существовало. В старые времена господа пили здесь чай и выходили на веранду полюбоваться окрестностями. Потом долгое время он стоял наглухо заколоченным. А музейные работники — открыли, расчистили, и — водили сюда экскурсантов. Кроме нескольких стульев и столов, тут ничего не было.

Портрет
на черном фоне

В доме восстанавливали дореволюционную планировку: раскрывали двухсветную залу, ломая перекрытия между первым и вторым этажами, — рассказывает Вера Степановна Дмитриева. — Работа подходила уже к концу, даже вынесли весь мусор. Но... — не знаю, почему, — мелькнула тогда странная мысль: как-то очень быстро, слишком поспешно разбираем. Дом не успевает привыкнуть, адаптироваться.

Ведь у нас всегда было такое ощущение, что в доме кто-то присутствует, что он живой. И сторожа, и многие сотрудники говорили об этом. Иногда сидишь, никого нет, вдруг слышатся шаги, поскрипыва-

А накануне, в воскресенье утром, мы слышали в усадьбе монотонный стук, раздававшийся непонятно откуда. Бабульки наши говорят — плохой знак.

Удивительная история случилась с портретом Набокова, который был у нас в музее: на абсолютно черном фоне — белый профиль. Когда его вынесли из огня, мы увидели, что на портрете проявились буквы и цифры: Набоков 96. А дом сгорел 10 апреля, по старому стилю — это день рождения Владимира Владимировича. Ему исполнилось бы 96 лет...

Усадьба полыхала до утра. Пожарные работали всю ночь, а утром — снова появились языки пламени. Когда наконец все утихло, пошел сильный снег. Потом выглянуло солнышко, и показалось на мгновение, что здесь снова вспыхнула жизнь, что не все потеряно...

Счастье, что мы хоть каждую стеночку, каждый уголок сфотографировали. Может, удастся построить новый дом? Хотя потеря, конечно, невосполнима. Будто ушел дорогой, близкий человек. Как дальше жить без этого дома?.. Утром встаешь и не знаешь, куда идти? зачем?...

Да что теперь
говорить?

Когда дом Набокова стоял в целостности и сохранности, власти не слишком-то ему помогали — даром, что числился под охраной государства. Со стороны правительства, отдела культуры много равнодушия было. Например, за питьевой водой музейные работники за километр ходили на родник. Скавину бурить — деньги нужны... А зимой речка замерзает, случись что — где воды взять в случае пожара? Несколько огнеушителей, с помощью которых до приезда пожарных пытались бороться с огнем, явно недостаточно. Да что теперь говорить?..

Кстати, и в строительстве нового дома первыми заговорили не чиновники от культуры, обеспокоенные гибелью памятника, а простые местные жители. Всем миром обратились они с письмом к главе правительства Ленинградской области. А.С.Белякову с просьбой помочь восстановить набоковскую усадьбу заново: собирают на это деньги из своих скудных заработков. Хочется надеяться, что их просьба будет услышана.

ИЛЬМИРА СТЕПАНОВА

Рождествено — Санкт-Петербург

Те, кто хочет откликнуться, могут писать по адресу: 188356 Ленинградская область, Гатчинский район, с.Рождествено, ул.Комсомольская, д.1, кв.21, Дмитриевой

На террасе рождественского дома в августе 1908 года, в день освобождения В.Д.Набокова из тюрьмы. Стоят — Елена Ивановна и Владимир Дмитриевич (родители писателя); рядом с отцом, в центре, сидит Владимир Набоков-младший.

пожарные — из Гатчины, из Сиверской и даже из Петербурга. Огонь уже вырывался из-под раскаленной крыши. Машины могли подъехать только к центральному фасаду, а боковые — северный, южный и особенно западный — оказались труднодоступными из-за крутого склона.

Специалисты утверждают, что здание теперь уже не подлежит восстановлению. А вот из-за чего случился пожар — до сих пор неизвестно. В усадьбе шли реставрационные рабо-

ние половиц...

Нас это не пугало, напротив. Заходя в пустой зал, произносили: «Здравствуйте!» Но когда началась реставрация, появились сомнения.

Для за три до пожара я пришла в усадьбу первая, села за стол в своем кабинете, и вдруг резко открылась дверца старой печки. Только закрыла — за спиной в соседнем зале что-то как грохнет! Заглянула — ничего не упало, все на месте. Стало очень тревожно на душе.

сердцу, бывало, напевала родная река...»)

В советское время тут располагались сельсовет, потом — общежитие ветеринарного техникума, средняя школа. В 1974 году сюда переехал сельский краеведческий музей. Он делил помещения с сортоиспытательным участком, а с 1986 года стал единственным хозяином усадьбы. В 1988 году при краеведческом музее открылась первая небольшая экспозиция, посвященная Набокову, а в 1992 году — целый зал Набокова. Здесь проходили набоковские конференции, приезжали специалисты из разных стран, очень много русских эмигрантов.

Хроника пожара

Это случилось 10 апреля, в понедельник. В музее был выходной. Дежурный сторож — человек ответственный, исполнительный — заступил, как и положено, в 6 утра, в 13.45 ушел на обед, вернулся минут через 20 (он живет рядом с усадьбой). Ничего подозрительного не заметил. В 15.30 проходившая мимо сотрудница увидела дымок на бельведере — верхней надстройке. Заглянула к сторожу, сказала. Тот побежал на второй этаж, открыл дверь на лестницу — она была вся в огне.

Часа в четыре заместителю директора музея В.С.Дмитриевой (у директора нет в доме телефона!) позволили: бельведер охвачен пламенем,

Не правда ль, все — как встарь,
И дом — все так же тих —
Стоит меж старых лип?..

В селе Рождествено под Петербургом сгорел дом Владимира Набокова. (см. «РМ» №4073).

«Александровских времен усадьба, белая, симметричная, с колоннами и по фасаду и по антифронту, высилась среди лип и дубов на крутом муравчатом холме за рекой Оредеж, против нашей Выры». Это строки из романа Набокова «Другие берега», где так много воспоминаний связано со старым домом, который подарил ему любимый дядя — Василий Иванович Рукавишников. Эта деревянная усадьба начала XVIII века стала символом, олицетворением родного Дома во многих его романах и стихотворениях; здесь он встретил свою первую любовь — юную Валентину Шульгину.

Дом в Рождествено оставался последним из набоковских поместий. Гибель материнского — на Выре — Владимир Набоков предвещал, когда тот еще стоял цел и невредим («Дом сожжен и вырублены рожи, где моя туманилась весна»). Фашисты сожгли его в 1944-м, при отступлении.

А этот каким-то чудом уцелел, хотя и здесь были немцы. Говорят, усадьбу во время войны даже заминировали.

Но, наверное, существовала в этом доме какая-то особая атмосфера. Когда на втором этаже начали реставрационные работы и со стен сняли штукатурку, то нашли рисунки, оставшие-